

И. И. Писаревский*

Соотношение познания и доказывания при определении наказания и проблема качества приговоров

Аннотация. Основная проблема статьи — необходимость надлежащего решения вопроса о наказании по уголовному делу, которая рассматривается в двух аспектах — теоретическом и практическом.

Теоретический аспект заключается в установлении природы деятельности по определению наказания, а именно является ли эта деятельность познавательной и если является, то исчерпывается ли это познание доказыванием? Приминая к распространенной позиции тех авторов, кто признает познавательный характер за указанной деятельностью, мы отстаиваем позицию, что доказывание, несмотря на всю свою значимость, не исчерпывает процесс познания по уголовному делу. В частности, это демонстрируется в контексте изучения личности обвиняемого на основе ст. 73 УПК РФ, а также исходя из возможности суда и следователя непосредственно воспринимать свойства личности обвиняемого.

Вышеуказанные теоретические положения используются для решения практического аспекта проблемы, который заключается в крайне и перманентно низком качестве приговоров с точки зрения раскрытия вопросов наказания. В подтверждение приводятся позиции ученых, эмпирические данные, в том числе результаты анкетирования лиц, отбывающих реальное наказание в виде лишения свободы, позиции высших судов.

В качестве возможных направлений решения проблемы предлагается пересмотреть, с одной стороны, обоснованность столь жестких требований процессуальной формы при решении вопросов наказания, а с другой — разделение процессов по решению судом вопросов о виновности и о наказании. В подтверждение обоснованности указанных подходов приводится опыт зарубежных стран (США), дореволюционного отечественного законодательства, а также позиции отдельных ученых.

Ключевые слова: уголовное наказание, доказывание, познание, личность обвиняемого, процессуальная форма, приговор, непосредственное познание.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.64.3.143-151

Интересной в практическом и теоретическом плане особенностью вопроса о наказании является, как нам кажется, его нахождение на стыке важнейших базовых проблем уголовного процесса.

Одной из таких теоретических проблем является соотношение уголовно-процессуального доказывания и познания по уголовному делу в целом, а также вытекающий из этого вопрос о

том, относится ли вообще деятельность по определению наказания к познавательной. На сегодняшний день указанные проблемы получили широкое освещение в научной литературе. Им посвящены работы В. Я. Дорохова, Е. Г. Мартыничика, Ю. М. Грошевого, А. С. Барабаша, Л. Надь, Ф. Н. Фаткуллина, М. Ф. Маликова, Я. О. Мотовилокера и других ученых, одни из которых исходят из отождествления познания и доказывания

© И. И. Писаревский, 2016

* Писаревский Илья Игоревич, аспирант кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (СФУ)

iliay@mail.ru

660112, Россия, г. Красноярск, Metallургов, д. 22а, кв. 22

по уголовному делу¹, другие — из их частичного несовпадения². Также по-разному решается вопрос о природе деятельности по определению наказания. Мы, в свою очередь, солидарны с теми авторами, кто исходит из познавательного характера последней³, и хотели бы рассмотреть, как соотносится познание и доказывание в контексте решения вопроса о наказании. Данный научный интерес вызван тем, что нам не встретилась позиция, согласно которой обозначенная проблема рассматривалась бы в контексте изучения личности обвиняемого, чью характеристику требует учитывать законодатель при определении наказания. Вместе с тем это может дать любопытные результаты.

Не оспаривая роль доказывания, которое справедливо называют ядром или стержнем уголовно-процессуальной деятельности⁴, понижающим собой все стадии уголовного процесса⁵, центральным узлом всей системы судопроизводства, душой всего уголовного процесса⁶, можно заключить, что как минимум в вопросах определения наказания и изучения личности доказывание, безусловно являясь разновидностью познавательной деятельности, в то же время не исчерпывает собой весь познавательный процесс.

Так, если обратиться к формулировке п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, то обнаружится интересное обстоятельство, которое, казалось бы, лежит на поверхности, но при этом обходится стороной многими исследователями. Интересующая нас норма говорит о необходимости установления «обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого». Хотя какое значение имеют обстоятельства, характеризующие личность, без формирования самой характеристики, из них вытекающей? Данная формулировка п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ предполагает продолжение пути познания и на основании доказанных обстоятельств установление уже самих уголовно значимых характеристик личности для избрания эффективных мер воздействия на нее. При этом сами эти обстоятельства есть не что иное, как доказательственные факты, иными словами — лишь промежуточные звенья на пути познания характеристик личности.

Отголоски подобного понимания мы встречаем в специальных исследованиях, посвященных установлению обстоятельств, характеризующих личность. Например, Н. Н. Гребнева указывает, что именно личность и сведения о личности являются одним из элементов предмета доказывания по каждому уголовному делу⁷.

¹ См., например: *Барабаш А. С.* Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск, 1997. 131 с.; *Фаткуллин Ф. Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. перераб. и доп. Казань, 1976. 203 с.; *Доля Е. А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М., 2009. 376 с.

² См., например: *Арсеньев В. Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964. 178 с.

³ *Мартынич Е. Г.* Основы формирования приговора в советском уголовном процессе: научное издание / отв. ред. П. С. Никитюк. Кишинев, 1989. С. 109; *Мотовиловкер Я. О.* Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права: монография. Воронеж, 1984. С. 70; *Грошевой Ю. М.* Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 9—42; *Маликов М. Ф.* Эффективность приговора в советском уголовном процессе. Вопросы теории и практики / под ред. М. С. Брайнина. Саратов, 1982. С. 43.

⁴ *Очередин В. Т.* Доказывание в уголовном процессе: учеб. пособие. Волгоград, 2005. С. 5; *Старикова Ю. А., Лубин С. А.* Опыт корректировки некоторых ключевых понятий теории доказательств и доказывания // *Российский следователь*. 2007. № 1. С. 7; *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 127.

⁵ *Сердюков П. П.* Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела: учеб. пособие. Иркутск, 1981. С. 11; *Григорьев В. Н.* Возбуждение уголовного дела: лекция-консультация по уголовному процессу. М., 2002. С. 5.

⁶ *Спасович В. Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М., 2001. С. 4.

⁷ *Гребнева Н. Н.* Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как элемент предмета доказывания по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 23, 24, 40.

А. П. Гуськова отмечает, что установлению в ходе доказывания подлежат данные о личности как целостной системе ее взаимосвязанных свойств, качеств, признаков⁸. Таким образом, совершенно справедливо демонстрируется, что объектом познания по уголовному делу выступает в конечном итоге сама личность, а предметом — ее уголовно-значимые характеристики, восполняя тем самым содержание п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, изначально происходит установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, затем на основании этих обстоятельств познаются сами характеристики личности, а затем уже с учетом этих характеристик и, разумеется, иных обстоятельств, подлежащих доказыванию, формируется итоговое знание о конкретном виде и мере наказания.

Из вышеуказанного следует, что мыслительный процесс проходит две стадии. Первая стадия характеризуется тем, что в ходе оперирования доказательствами устанавливаются доказательственные факты, на основании оценки которых формируется знание об уголовно значимых характеристиках личности. На второй стадии мыслительные операции совершаются на основании знания обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в результате чего и формируется итоговое знание о наказании. И если первая стадия полностью укладывается в современную доктрину доказывания, то вторая выходит за ее границы в силу того, что сами доказательства и доказательственные факты остались позади, на этапе, когда мы формировали знание о характеристиках личности и об иных обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Таким образом, они, разумеется, присутствуют в познавательном процессе, однако сам этот процесс уже не может быть представлен как оперирование доказательствами, что составляет основу определения доказывания⁹.

Более того, даже познание самих обстоятельств, характеризующих личность, не может быть ограничено рамками доказывания.

Как справедливо отмечает Н. Т. Ведерников, при познании личности изучается не только прошлое, но и настоящее данного человека, включая проявления его свойств на момент изучения¹⁰. В связи с этим следователь и судья как должностные лица, к чьим обязанностям, в том числе посредством указания в п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, отнесена необходимость исследовать личность обвиняемого и которые находятся с ним длительное время в непосредственном контакте, могут познавать отдельные характеризующие его обстоятельства путем непосредственного наблюдения¹¹. Доказывание же, как было отмечено ранее, предполагает познание, опосредованное доказательствами.

На это нам могут возразить, что сам по себе метод наблюдения является стандартным в наборе познавательного инструментария следователя и судьи, и это действительно так. Однако обычно результаты непосредственного наблюдения вводятся в процесс опосредованно, например через протоколы следственных действий или судебного заседания при производстве осмотра места происшествия, местности и помещения, либо же через оперирование доказательствами, например при осмотре вещественных доказательств. Наблюдение при этом происходит в строго контролируемых условиях, жестко ограничено во времени, протекает по инициативе сторон и т.д.

В то же время восприятие судом и следователем поведения личности происходит не только в рамках специальных следственных действий, таких как допрос, но и стихийно в рамках всего процесса их взаимодействия. Более того, часть информации о личности посылается судье и следователю по невербальным каналам общения, через жесты, мимику обвиняемого.

⁸ Гуськова А. П. Личность обвиняемого в уголовном процессе : Проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 64.

⁹ См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. С. 295.

¹⁰ Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого (понятие, предмет и методика изучения) / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 1978. С. 98.

¹¹ Ведерников Н. Т. Указ. соч. С. 100.

Полагается, что исходя в том числе из этой посылки в теории уголовного процесса получила широкое распространение идея о необходимости подготовки на стадии предварительного расследования и по итогам судебного разбирательства некой обобщающей характеристики личности обвиняемого, которая бы включала в себя и результаты непосредственно наблюдения за его поведением. Подобные предложения, основанные на наработках советских процессуалистов, высказываются и в современных работах¹². Основной задачей этих характеристик видится не только фиксация разрозненной информации о личности обвиняемого, придание ей целостности и системности, но и решение проблемы, связанной с введением ее в процесс, путем придания надлежащей формы.

Наше отношение к подобного рода характеристикам скорее отрицательное, так как информация о личности, имеющая процессуальное значение, и так должна быть в силу п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обобщена и систематизирована в итоговых процессуальных документах, таких как обвинительное заключение и приговор. Этим, в свою очередь, автоматически снимается проблема обеспечения формы введения ее в уголовный процесс.

Здесь, таким образом, мы выходим на следующий уровень проблемы соотношения познания и доказывания при изучении личности обвиняемого, а именно на проблему процессуальной формы. Доказывание общепризнанно рассматривается как единство формы и содержания, где под формой понимается строго установленный порядок получения значимой для уголовного дела информации и ее фиксации. Соответственно, таким же единством отличается каждое доказательство. Необходимо отметить, что институт процессуальной формы доказывания возник давно, при этом на каких-то этапах развития уголовно-процессуальной мысли и законодательства форме доказательств с точки зрения соблюдения порядка их получения даже отдавалось приоритетное значение.

Верно то, что предъявляемая законом к установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, особая строгость объясняется сложностью познавательной задачи и условиями ее решения, характеризующимися столкновением противоречивых интересов и страстей вокруг расследуемого или разбираемого судом уголовного дела¹³. Процессуальная форма в отношении познания события преступления, субъективной стороны состава предохраняет нас от возможных злоупотреблений в части формирования доказательственной базы, обеспечивает тщательную проверку доказательств и их источников. В этой связи она, безусловно, необходима.

Однако оправдан ли этот подход по отношению к обстоятельствам, характеризующим личность обвиняемого? Выше нами косвенно была затронута эта проблема применительно к вопросу непосредственного восприятия личности обвиняемого судьей и следователем. Здесь же мы считаем необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство — крайне низкий уровень качества приговоров в части фиксации результатов исследования личности обвиняемого и, как следствие, в части обоснования и мотивировки вопросов наказания по уголовному делу.

На эту проблему так или иначе обращали внимание многие ученые, посвятившие себя исследованию как общих проблем приговора, так и специальных вопросов изучения личности обвиняемого по уголовному делу. Обширный эмпирический базис этой проблемы содержится в работе М. Ф. Маликова, который, в частности, отмечает, что лишь по 7,3 % исследованных дел в приговорах содержались данные о нравственных качествах обвиняемого¹⁴. На практику умолчания об обстоятельствах, характеризующих личность, и распространенность в приговорах «глухой ссылки» на то, что суд назначил наказания «с учетом личности подсудимого», «учитывая данные о личности», обращает внимание С. Г. Мирецкий¹⁵. На недостаточность

¹² См., например: *Неретин Н. Н.* Изучение личности обвиняемого при производстве предварительного следствия в уголовном судопроизводстве // *Уголовное судопроизводство*. 2009. № 1. С. 17—18.

¹³ *Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. проф. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца*. М., 1989. С. 547.

¹⁴ Подробнее см.: *Маликов М. Ф.* Указ. соч. С. 124—125.

¹⁵ *Мирецкий С. Г.* Приговор суда. М., 1989. С. 56.

сведений о личности обвиняемого в материалах уголовных дел указывает Н. Т. Ведерников¹⁶. Данная проблема осознается и на уровне судебной практики. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30.06.1969 № 4 «О судебном приговоре»¹⁷ обращается внимание, что в приговоре необходимо указывать, какие конкретные обстоятельства, свидетельствующие о характере и степени общественной опасности преступления, а также о личности виновного, учтены судом при избрании меры наказания; ссылка в приговоре лишь на то, что наказание назначено «с учетом личности виновного», является недостаточной. Почти без изменений данная формулировка включена в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 № 1 «О судебном приговоре»¹⁸. Однако, к сожалению, существенных позитивных сдвигов в вопросе изучения личности и мотивировки вопросов наказания на сегодняшний день не наблюдается. В частности Н. Н. Неретин, ссылаясь на изучение судебно-следственной практики Оренбургской области за 2003—2007 гг., отмечает, что изучение личности обвиняемого ограничивается истребованием характеристик с места работы и жительства, справок о судимости и из психоневрологических и наркологических диспансеров¹⁹. Данное обстоятельство подтверждается и нашим выборочным исследованием приговоров, размещенных в свободном доступе на официальном интернет-портале ГАС РФ «Правосудие»²⁰. Вместе с тем, как показал анализ анкетирования лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание, из 30 опрошенных 25 ответили, что вывод о наказании необходимо надлежащим образом обосновывать. При этом 18 человек ответили, что их отношение к назначенному наказанию могло бы измениться в лучшую сторону при условии его надлежащего обоснования, 7 респондентов затруднились дать ответ и лишь 5 ответили отрицательно²¹.

Таким образом, можно констатировать перманентную неэффективность сложившегося уголовно-процессуального порядка по вопросам исследования личности обвиняемого и определения наказания. Конечно, было бы неправильно говорить, что только недостаточное внимание к исследованию личности обвиняемого со стороны следствия и судьи является препятствием на пути обоснования справедливого наказания. Существенный вклад в это вносит и пространность формулировок законодательства, не конкретизирующих сведения о личности, подлежащие установлению, что порождает множественность подходов к решению этого вопроса в уголовно-процессуальной науке и затрудняет использование ее достижений практикой. И отсутствие, даже на уровне теории, механизмов соотношения конкретных обстоятельств уголовного дела с выбором вида и размера санкции.

Однако в какой-то мере сгладить указанные неблагоприятные факторы и способствовать решению поставленной проблемы может, по нашему мнению, пересмотр взглядов на значение, роль и границы применения процессуальной формы доказывания. Вновь не оспаривая ее важность и в целом позитивное значение для рассмотрения уголовного дела, полагаем, что в силу вышеизложенных обстоятельств негативные последствия излишней формализации процесса превалируют над заключенным в ней позитивным потенциалом.

Помимо отмеченного постоянного неконтролируемого воздействия личности обвиняемого на властных субъектов в лице следователя и суда, многие данные о личности в принципе тяжело преобразовать в процессуальную форму, например манеру общения обвиняемого с участниками процесса, результаты его интеллектуального и творческого труда (созданные обвиняемым произведения искусства и т.д.).

¹⁶ Ведерников Н. Т. Указ. соч. С. 135.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. № 4. С. 9—13.

¹⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7. С. 2—8.

¹⁹ Неретин Н. Н. Указ. соч. С. 17.

²⁰ URL: <http://bsr.sudrf.ru/big/sudrf.html> (дата обращения 01.07.2015).

²¹ Анкетирование произведено в отношении лиц, отбывающих наказание в исправительной колонии № 22 по Красноярскому краю общего режима для содержания женщин, осужденных к лишению свободы.

В этой связи интересен опыт США, где в некоторых штатах процесс принятия решения о виновности и о наказании сепарирован. При рассмотрении дела судом присяжных, после признания обвиняемого виновным, стороны могут представлять новые доказательства в упрощенной форме, необходимые для принятия решения о наказании²². В случае рассмотрения дела судьей, также после признания обвиняемого виновным, специальное должностное лицо — probation officer — осуществляет сбор информации о личности обвиняемого, оформляемой в итоговой характеристике PSIR (presentence investigation report), выводы которой на сегодняшний день, как правило, могут обжаловаться²³. Указанная характеристика предусматривает большой объем информации, включающий в себя, помимо стандартного набора обстоятельств (таких как семейное положение, род занятий, различного рода зависимости), также исследование, например, детства обвиняемого²⁴.

Похожие предложения мы встречаем и у современных процессуалистов. Например, придерживаясь строгости в доказывании об-

стоятельств, необходимых для назначения наказания, А. С. Барабаш и А. А. Брестер все же предлагают разделить основной доказательственный процесс на процесс по установлению обстоятельств, необходимых для квалификации деяния, и дополнительный — для установления обстоятельств, от которых зависит выбор размера и вида наказания²⁵. В этой связи следует отметить, что данные механизмы не являются чем-то революционно-новым для российского уголовного процесса, и раньше, в той или иной мере, были неотъемлемой составляющей уголовного судопроизводства по Уставам 1864 года, что следует, в частности, из содержания статей 72, 73²⁶.

В заключение необходимо отметить, что намеченные нами направления решения проблемы наказания не презентуются как единственно верные, вместе с тем они полностью укладываются в актуализированную в настоящей статье необходимость изменения подходов к определению наказания, обусловленную неудовлетворительным состоянием правоприменительной практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. — М. : Юридическая литература, 1964. — 178 с.
2. Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. — Красноярск : Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1997. — 131 с.
3. Барабаш А. С., Брестер А. А. Установление обстоятельств совершенного преступления и оснований назначения наказания — два самостоятельных этапа судебного следствия // Вестник Омского ун-та. — Серия : Право. — 2014. — № 1. — С. 167—172.
4. Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого (понятие, предмет и методика изучения) / под ред. М. К. Свиридова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978. — 172 с.
5. Гребнева Н. Н. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как элемент предмета доказывания по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2006. — 220 с.

²² Rolando V. del Carmen. Criminal procedure Law and practice. 8th edition. Belmont : Wadsworth, Cengage Learning, 2010. P. 59.

²³ Rolando V. del Carmen. Op. cit. P. 59.

²⁴ The presentence investigation report. Publication 107, Office of Probation and Pretrial Services Administrative Office of the United States Courts, 2006. P. III-25 // URL: <http://www.fd.org/docs/select-topics/sentencing-resources/the-presentence-investigation-report.pdf?sfvrsn=4> (дата обращения 01.07.2015).

²⁵ Барабаш А. С., Брестер А. А. Установление обстоятельств совершенного преступления и оснований назначения наказания — два самостоятельных этапа судебного следствия // Вестник Омского ун-та. Серия : Право. 2014. № 1. С. 172.

²⁶ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. 2-е изд., доп. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 15.

6. Григорьев В. Н. Возбуждение уголовного дела : лекция-консультация по уголовному процессу. — М. : Изд-во ИМЦ ГУК МВД России, 2002. — 186 с.
7. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. — Харьков : Вища школа, Изд-во при Харьковском ун-те, 1979. — 143 с.
8. Гуськова А. П. Личность обвиняемого в уголовном процессе : Проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1997. — 388 с.
9. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности : монография. — М. : Проспект, 2009. — 376 с.
10. Курс советского уголовного процесса : Общая часть / под ред. проф. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. — М. : Юрид. лит., 1989. — 640 с.
11. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2010. — 240 с.
12. Маликов М. Ф. Эффективность приговора в советском уголовном процессе. Вопросы теории и практики / под ред. М. С. Брайнина. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1982. — 182 с.
13. Мартынич Е. Г. Основы формирования приговора в советском уголовном процессе : научное издание / отв. ред. П. С. Никитюк. — Кишинев : Штиинца, 1989. — 168 с.
14. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права : монография. — Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1984. — 152 с.
15. Неретин Н. Н. Изучение личности обвиняемого при производстве предварительного следствия в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. — 2009. — № 1. — С. 17—18.
16. Очередин В. Т. Доказывание в уголовном процессе : учеб. пособие. — Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2005. — 152 с.
17. Сердюков П. П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела : учеб. пособие. — Иркутск : Изд. Иркутского ун-та, 1981. — 87 с.
18. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. — М. : ЛексЭст, 2001. — 112 с.
19. Старикова Ю. А., Лубин С. А. Опыт корректировки некоторых ключевых понятий теории доказательств и доказывания // Российский следователь. — 2007. — № 1. — С. 7—9.
20. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. — М. : Наука, 1968. — Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. — 469 с.
21. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. — 2-е изд., перераб. и доп. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1976. — 203 с.
22. Rolando V. del Carmen. Criminal procedure Law and practice. — 8th edition. — Belmont : Wadsworth, Cengage Learning, 2010. — 584 p.
23. The presentence investigation report. Publication 107, Office of Probation and Pretrial Services Administrative Office of the United States Courts, 2006 // URL: <http://www.fd.org/docs/select-topics/sentencing-resources/the-presentence-investigation-report.pdf?sfvrsn=4> (дата обращения 01.07.2015).
24. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. — 2-е изд., доп. — СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. — С. 15.

Материал поступил в редакцию 17 июля 2015 г.

THE RATIO OF KNOWLEDGE AND EVIDENCE IN DETERMINING THE PENALTY AND THE PROBLEM OF QUALITY OF SENTENCES

PISAREVSKII Il'ia Igorevich, post-graduate at the Department of Criminal Procedure, Institute of Law, Siberian State University
[iliay@mail.ru]
660112, Russia, Krasnoyarsk, Metallurgov Street, 22A, apt. 22

Review. *The main problem of the article is the need for proper solution of the issue of punishment in a criminal case, which is considered in two aspects — theoretical and practical.*

The theoretical aspect is aimed at establishing the nature of activity to determine the punishment, namely, whether it is a cognitive activity, and if so, whether it is limited to the knowledge of establishment of evidence. Adjoining to the common position of those authors who recognize the cognitive character of this activity, we defended the position that the establishment of evidence, despite its importance, does not exhaust the learning process in a criminal case. In particular, this is demonstrated in the context of the study of the personality of the accused on the basis of Art. 73 of the Criminal Procedural Code, as well as based on the possibility of the court and the investigating officer directly perceive the traits of the accused person.

Subsequently, the above theoretical principles are used to solve the practical aspects of the problem which concerns extremely and permanently low quality of a sentence in terms of the disclosure of matters of the punishment. In support of this position, the author provides the viewpoints of the scientists, empirical data, including the results of the questioning of persons serving a real imprisonment sentence, the decisions of the High Courts. As a possible solution to the problem the author proposes, on the one hand, to review the validity of such stringent requirements of procedural form in matters of punishment, and on the other, the separation of the processes on rendering a decision concerning guilt and punishment by a court. To confirm the reasonableness of these approaches the experience of foreign countries (the United States), the pre-revolutionary national legislation, as well as the position of individual scientists are provided.

Keywords: *criminal sentence, establishment of evidence, knowledge, personality of the accused, procedural form, sentence, proximate knowledge*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Arsen'ev V. D. Voprosy obshchej teorii sudebnyh dokazatel'stv v sovetskom ugovnom processe. — M. : YUridicheskaya literatura, 1964. — 178 s.*
2. *Barabash A. S. Sushchnost' ugovnogo processa i ego rol' v formirovanii otvetstvennosti pravonarushatelya. — Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo gos. un-ta, 1997. — 131 s.*
3. *Barabash A. S., Brester A. A. Ustanovlenie obstoyatel'stv sovershennogo prestupleniya i osnovanij naznacheniya nakazaniya — dva samostoyatel'nyh ehtapa sudebnogo sledstviya // Vestnik Omskogo un-ta. — Seriya : Pravo. — 2014. — № 1. — S. 167—172.*
4. *Vedernikov N. T. Lichnost' obvinyaemogo i podsudimogo (ponyatie, predmet i metodika izucheniya) / pod red. M. K. Sviridova. — Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1978. — 172 s.*
5. *Grebneva N. N. Obstoyatel'stva, harakterizuyushchie lichnost' obvinyaemogo, kak ehlement predmeta dokazyvaniya po ugovnomu delu : dis. ... kand. yurid. nauk. — Tyumen', 2006. — 220 s.*
6. *Grigor'ev V. N. Vozbuzhdenie ugovnogo dela : lekciya-konsul'taciya po ugovnomu processu. — M. : Izd-vo IMC GUK MVD Rossii, 2002. — 186 s.*
7. *Grashevoj Yu. M. Sushchnost' sudebnyh reshenij v sovetskom ugovnom processe. — Har'kov : Vishcha shkola, Izd-vo pri Har'kovskom un-te, 1979. — 143 s.*
8. *Gus'kova A. P. Lichnost' obvinyaemogo v ugovnom processe : Problemy teorii i praktiki : dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 1997. — 388 s.*
9. *Dolya E. A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti : monografiya. — M. : Prospekt, 2009. — 376 s.*
10. *Kurs sovetskogo ugovnogo processa : Obshchaya chast' / pod red. prof. A. D. Bojkova i I. I. Karpeca. — M. : Yurid. lit., 1989. — 640 s.*
11. *Lupinskaya P. A. Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma, 2010. — 240 s.*
12. *Malikov M. F. Ehffektivnost' prigovora v sovetskom ugovnom processe. Voprosy teorii i praktiki / pod red. M. S. Brajnina. — Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1982. — 182 s.*
13. *Martynchik E. G. Osnovy formirovaniya prigovora v sovetskom ugovnom processe : nauchnoe izdanie / otv. red. P. S. Nikityuk. — Kishinev : SHtiinca, 1989. — 168 s.*
14. *Motovilovker Ya. O. Osnovnoj vopros ugovnogo dela i ego komponenty. Voprosy fakta i prava : monografiya. — Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1984. — 152 s.*

15. *Neretin N. N.* Изучение личности обвиняемого при производстве предварительного следствия в уголовном судопроизводстве // *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. — 2009. — № 1. — С. 17—18.
16. *Ocheredin V. T.* Доказывание в уголовном процессе : учеб. пособие. — Volgograd : Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2005. — 152 s.
17. *Serdyukov P. P.* Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела : учеб. пособие. — Irkutsk : Izd. Irkutskogo un-ta, 1981. — 87 s.
18. *Spasovich V. D.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостројством и судопроизводством. — М. : ЛексЕхst, 2001. — 112 s.
19. *Starikova Yu. A., Lubin S. A.* Опыт корректировки некоторых ключевых понятий теории доказательств и доказывания // *Rossijskij sledovatel'*. — 2007. — № 1. — С. 7—9.
20. *Strogovich M. S.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. — М. : Nauka, 1968. — Т. 1 : Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogogo processa. — 469 s.
21. *Fatkullin F. N.* Obshchie problemy processual'nogo dokazyvaniya. — 2-e izd., pererab. i dop. — Kazan' : Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1976. — 203 s.
22. *Rolando V. del Carmen.* Criminal procedure Law and practice. — 8th edition. — Belmont : Wadsworth, Cengage Learning, 2010. — 584 p.
23. The presentence investigation report. Publication 107, Office of Probation and Pretrial Services Administrative Office of the United States Courts, 2006 // URL: <http://www.fd.org/docs/select-topics/sentencing-resources/the-presentence-investigation-report.pdf?sfvrsn=4> (data obrashcheniya 01.07.2015).
24. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. — 2-е изд., dop. — SPb. : Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1867. S. 15.